

²⁸ ТобФГАТюмО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 346; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2, 8, 9, 11–13, 15 а, 25, 32, 33.

²⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 346; Ф. 417. Оп. 2. Д. 1735, 1737, 1738, 1750.

³⁰ ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 202. Л. 210–213.

³¹ Там же. Л. 242.

³² Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 61.

³³ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 6. Л. 180.

³⁴ Там же. Л. 231.

³⁵ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 год. Тюмень, 1899. Объявления в конце книги.

³⁶ Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 547.

³⁷ Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 113.

³⁸ ТобФГАТюмО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 606.

³⁹ Там же. Д. 3340.

⁴⁰ Мариупольский А. М. Предприниматели Мариупольские // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Материалы VI регион. науч.-практ. конф. С. 56–58.

⁴¹ Киселев А. Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 29, 40, 41, 43, 50.

⁴² Цит. по: Гончаров Ю. М. Евреи в сибирском социуме второй половины XIX — начала XX в. // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. С. 29, 32 (Систематический сборник законов о евреях, составленный Л. М. Роговиным. СПб., 1913. С. 100)

⁴³ Сибирские вопросы. 1911. № 37/39. С. 122.

⁴⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 129.

А. Ю. Чистяков

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XVIII — XIX в.)

С.-Петербургская губ. была образована в 1708 г. (до 1710 г. она именовалась также Ингерманландской) и первоначально включала в себя обширные земли Северо-Запада и верхнего Поволжья. На протяжении XVIII в. ее территория неоднократно изменялась. После проведения реформы 1775 г. в губернию входили только уезды, расположенные под С.-Петербургом (Шлиссельбургский, Софийский, Рождественский, Ораниенбаумский, Ямбургский, Нарвский), а с 1802 г. также Гдовский, Лужский, Новолодожский у.¹ Именно в границах 1802 г., просуществовавших с незначительными изменениями до 1922 г., рассматривается С.-Петербургская губ. в данной статье.

Окрестности С.-Петербурга известны своим влажным климатом и землями не особенно благоприятными для занятия сельским хозяйством. Статистика середины XIX в. относила С.-Петербургскую губ. «к числу слаборасположенных»: по плотности населения она занимала 30 место среди 55 губерний. На 1 чел. в губернии приходилось в среднем 9,25 дес. земли². В основном это были земли малоплодородные, покрытые лесами. Только в Ямбургском у. выращенные зерновые шли на продажу. Незрелость товарного земледелия определяла набор товаров, которые крестьянское хозяйство поставляло на рынок. Например, в 1830–1840-е гг. дворцовые крестьяне Вискатской волости Гдовского у. вообще не продавали зерно. Они торговали рыбой, скотом, лесом, а также шерстью, пенькой, холстом и тряпьем. Значительную роль играла торговля дрожжами, яйцами, маслом и молоком. Меньше торговали овощами и фруктами (за исключением яблок)³.

Крестьяне уходили на промыслы в С.-Петербург и малые города — кроме уездных центров, на территории губернии находились три заштатных города (Гатчина, Ораниенбаум, Павловск), портовый город Нарва и крепость Кронштадт. Городское население губернии было довольно значительным: на 1862 г. из 1154527 жителей 628301 были горожанами (в т.ч. 532297 — жители С.-Петербурга)⁴. Среди сельских населенных пунктов преобладали небольшие поселения. В конце XIX в. из 3850 сел и деревень более 100 дворов насчитывали только 1,5 %, а менее 50 дворов — 90 %⁵. По территории губернии проходили значимые водные пути. Прежде всего, это река Нева и Ладожские каналы, по которым осуществлялось сообщение между С.-Петербургом и внутренними районами страны. Однако некоторые части губернии (например, Ижорская возвышенность) не имели доступа к водным путям. Это компенсировалось наличием относительно развитой сети шоссейных, а впоследствии и железных дорог.

В XVIII — начале XX в. на территории С.-Петербургской губ. проводились ярмарки. По материалам Ф. О. Туманского, в конце XVIII в. в Ямбургском у. ярмарки проходили в Ливицах (20 июля), Ястребине (1 августа), Вруде (15 августа), Котлах (8 сентября), Ополье (24 июня, 14 сентября); в Ораниенбаумском — в Перкушах (9 мая), Копорской слободе (15 августа), Дятлицах (в Троицу, 20 июля и 6 октября), Ропше (29 июня), мызе Красной и в деревнях Коваши (18 августа) и Горки (9 мая); в Рождественском у. —

в мызе Губаницкой (24 июня и 29 сентября); в С.-Петербургском у. — в Лемболовской мызе (29 августа)⁶. Организация ярмарок была приурочена к дням церковных праздников. Эти ярмарки имели местное значение и привлекали крестьян прилежащей территории. Ярмарка в Лемболовской мызе считалась крупной уже потому, что в торговле участвовали не только местные крестьяне, но и приезжие из соседнего Кексгольмского у. Выборгской губ. (с 1812 г. в составе Великого княжества Финляндского), которые продавали соленую рыбу и деревянную посуду⁷. В XIX в. в С.-Петербургской губ. насчитывалось уже 54 ярмарки. Однако среди них не было крупных оптовых, так как оптовая торговля практически полностью проходила в столице⁸.

Наиболее значимая ярмарка проходила в уездном городе Новая Ладога, расположенном при судоходных Ладожских каналах. Население города, среди которого было много купцов, отличалось своей зажиточностью. Местные жители занимались торговлей, обслуживанием движения по каналам, промысловым рыболовством на Ладожском озере. Ярмарка открывалась в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15/28 августа) и, согласно данным начала XX в., продолжалась вплоть до 5 сентября. Оборот ярмарки, на которой велась торговля хлебом, мануфактурными и кожевенными изделиями, валенными изделиями, составлял на 1911 г. около 100000 руб.⁹ Ярмарка сопровождалась широкими народными гуляниями. Воспоминания о ежегодной Успенской ярмарке, которая функционировала еще в 1920-е гг., и сегодня сохраняются у жителей Новой Ладоги. Ежегодно в последнее воскресенье августа проходит праздник День города. В Новой Ладоге была и значительно меньшая по торговому обороту Рождественская ярмарка, приуроченная, соответственно, к празднику Рождества Христова (25 декабря), Среди прочих на нее приезжали торговцы из Олонецкой и Новгородской губ. для продажи продуктов (солонина, коровье масло, дичь), кож, деревянной и глиняной посуды¹⁰.

На рубеже XIX–XX вв. в работе ярмарок принимали активное участие различные сельскохозяйственные общества, которые стремились к внедрению в крестьянских хозяйствах передовых технологий, распространению высокопродуктивных пород скота. Например, 12–13 июля 1900 г. на ярмарке у железнодорожной станции Молосковичи Петербурго-Царскосельско-Ямбургское общество сельских хозяев организовало животноводческую выставку, чтобы «облегчить крестьянам покупку породистых телят и поросят». Участники выставки ничего не платили за место размещения своего скота и имели возможность дешево получить корм для животных. Для привлечения большего числа посетителей выставка прошла в рамках местной ярмарки¹¹. В июле 1913 г. Эстонское благотворительное общество провело однодневную ярмарку близ станции Волосово. Устроители брали по 5 коп. с каждой приведенной лошади и коровы, а также отдельную плату за торговлю иными товарами. Ярмарка была признана успешной, и ее решили впредь устраивать ежемесячно¹².

Возможность выхода на петербургский рынок для крестьян имела большее значение, чем торговля в ярмарочные дни. Раньше других в торговлю в С.-Петербурге втягивались пригородные хозяйства, которые имели возможность быстро доставить товары в город. Ориентация на промыслы и торговлю отразилась на организации сельского хозяйства. В последней четверти XIX в. население пригородных волостей сокращало посеvy ржи и увеличивало посеvy картофеля; применялись более прогрессивные севообороты; активнее развивалось животноводство, причем недостаток удобных земель для выгонов и покосов мог восполняться путем их аренды. Например, в 1880-е гг. жители деревень Ораниенбаумской волости арендовали выгоны на пустошах и в лесах Дворцового Ораниенбаумского управления, а покосы — в соседней Ковашевской волости¹³.

Скорость доставки продукции потребителю была особенно важной для торговцев молоком и молокопродуктами. Гужевого транспорт позволял привозить молоко только из ближайших мест. Если хозяйство находилось более, чем в 20 верстах от С.-Петербурга, то трудно было уберечь молоко от скисания, хотя крестьяне и обкладывали его льдом и мхом. Во время дороги молоко взбалтывалось и перемешивалось со сливками. Поэтому пригородные крестьяне продавали цельное молоко и очень редко сметану или творог, а из деревень, расположенных в 50 и более верстах от города, в С.-Петербург привозили только сливки и другие молокопродукты¹⁴. Земледелие и животноводство крестьян Токсовской волости Шлиссельбургского у., несмотря на формальную близость к столице, сохраняли больше черт натурального хозяйства, чем некоторые более удаленные районы губернии. Причиной было отсутствие здесь до 1917 г. железной дороги. Поездка в С.-Петербург в таком случае оказывалась весьма затратной. Владелец одной из мыз в окрестностях Токсово С. Лошкарев в статье, присланной в Вольное экономическое общество в 1843 г., указывал, что одна поездка на петербургский рынок занимала двое суток. Крестьяне из числа его крепостных раз в неделю отправлялись в С.-Петербург для продажи сливок. Те семьи, которые занимались торговлей, закупали сливки у своих соседей и в близлежащих имениях¹⁵.

Изменения в молочной торговле происходили по мере развития железных дорог. В 1837 г. первая в России железная дорога соединила С.-Петербург и Царское Село, в 1838 г. она была продлена до Павловска. За ней последовало строительство линии С.-Петербург — Москва (открыта в 1851 г.), Варшавской железной дороги (1853 г., С.-Петербург — Гатчина — Луга), Петергофской (1857 г.), Балтийской (1870 г., С.-Петербург — Гатчина — Нарва), линии С.-Петербург — Мга — Званка (Волхов) — Вологда (1906 г.). На Карельском перешейке возникли железные дороги Финляндская (1870 г.), Ириновская (1892 г.), Сестрорецкая (1894 г.). В 1914 г. вступил в строй железнодорожный мост через Неву¹⁶. Доставка товара на поезде позволяла подвозить свежее молоко не только с территории С.-Петербургской губ., но также из Финляндии и Эстляндии.

В начале 1870-х гг. первостепенное значение приобрела Финляндская железная дорога (С.-Петербург — Гельсингфорс). Основная часть доставляемого по ней товара была произведена в Финляндии, так как дорога проходила вдали от большинства поселений ингерманландцев. Молочное хозяйство Финляндии находилось в хорошем состоянии, кроме того, плата за перевозку молока по этой дороге была ниже, чем на других. Уже в то время были устроены специальные вагоны с полками, на которых помещали жестяные сосуды с молоком и сливками. Крестьянину не приходилось самому ехать в С.-Петербург, он сдавал молоко по прибытии поезда на ближайшей станции и там же получал деньги. Молоко, доставленное в столицу, перевозили на склады или же тем лицам, которым оно было адресовано¹⁷. С конца XIX в. между Ревелем и С.-Петербургом начал курсировать товарно-пассажирский поезд, получивший название «молочного». Рано утром поезд выходил из Ревеля, на станции Тапс к нему присоединяли вагоны, пришедшие из Валка Лифляндской губ., после чего поезд следовал в столицу, принимая на остановках молоко у крестьян¹⁸.

В поселениях, удаленных от железных дорог, молочный промысел мог вовсе отсутствовать даже в первой трети XX в. Например, в деревне Большое Заречье (нынешний Волосовский район), расположенной примерно в 15 км от железнодорожной станции Кикерино, еще в 1920–1930-е гг. удои в местных хозяйствах были крайне низкими. Деревенские коровы «недойные были» — давали не более литра молока в день. Для сравнения в деревне Яскелево (близ станции Елизаветино) корова давала в день около восьми литров молока. Получая значительный доход от продажи молока, жители этой деревни уделяли значительно большее внимание уходу за скотом, заготовке кормов (в частности, большие по площади угодья засеивали клевером)¹⁹.

Местная торговля была связана и с дачным промыслом, который заключался в сдаче жителям С.-Петербурга помещений на летний период. Этот промысел был характерен, прежде всего, для поселений близ железнодорожных станций. Доход крестьянам приносили сбыт постояльцам различных продуктов (молока, грибов, ягод) и различные услуги (обеспечение водой и дровами, стирка белья, перевозка мебели и т. д.)²⁰.

В С.-Петербургской губ. существовали и специфические промыслы, характерные для определенной местности. В конце XVIII в. жители деревень Дубровка и Виликина (ныне Великино) Нарвского у. занимались изготовлением и «продажею деревянной посуды, как то: пивных и водочных чанов, бочек, ушатов, квасников, лоханей, кадок, ведер, шаек»²¹. Тогда же некоторые селения Нарвского у. продавали дрова, которые водным путем доставляли в Кронштадт и С.-Петербург²². По данным «Материалов по статистике народного хозяйства», в 1882 г. в деревне Ойнолово Лемболовской волости пятеро крестьян занимались изготовлением оглобель, для чего арендовали землю, поросшую мелким лесом. Готовую продукцию они продавали возами ломовым извозчикам в Петербурге²³. В северных волостях С.-Петербургского у. (Коркиомьякская, Кюляятская, Лемболовская, Муринская) практиковался сбор муравьиных яиц, которые использовались как корм для птиц и золотых рыбок. Иногда их сбывали непосредственно владельцам певчих птиц, чаще же скупщикам, которые торговали на Щукином дворе в С.-Петербурге. Всего в С.-Петербургском уезде собирали до 500 четвериков муравьиных яиц в год²⁴. В деревнях Нурколово и Пелгола Дудергофской волости в зимнее время изготавливали курительные трубки. Средняя семья могла сделать за неделю около двухсот трубок, которые продавали в столице²⁵.

Скупщики были типичной фигурой в жизни деревни. Крестьянин не имел времени, а часто и способностей лично вести торговлю в С.-Петербурге. Скупщики приобретали на месте различные товары, например, улов в рыболовецких деревнях или ивовую кору, которую затем в измельченном виде сбывали в С.-Петербурге на кожевенных заводах²⁶.

Скупщики участвовали даже в питомническом промысле — так называли воспитание сирот из С.-Петербургского Воспитательного дома (питомцев) в крестьянских семьях. Воспитательный дом оплачивал содержание питомцев. Промысел породил особый вид ростовщичества — так называемый учет билетов Воспитательного Дома для получения платы за питомцев до срока выплаты. Так как

выплата денег за воспитание совершалась через 2–4 мес. в С.-Петербурге, бедной семье ездить несколько раз в город за получением незначительных сумм в 3–5 руб. оказывалось невыгодно. Выдача денег проводилась только в рабочие дни по расписанию, согласно инструкции запрещались выплаты в воскресенья и двенадцатые праздники²⁷. Поэтому крестьяне закладывали выдаваемые им билеты Воспитательного Дома богатым односельчанам под ссуду в 10 и более процентов в месяц. Ссуда могла выдаваться не наличными деньгами, а продуктами по завышенным ценам²⁸.

Следует упомянуть и этнические различия организации торговли. Большинство сельского населения региона составляли русские. Кроме них, в губернии проживали также прибалтийско-финские народы (ингерманландские финны, ижора, воль, эстонцы) и немцы (колонисты). Ингерманландские финны (финны-инкеры), проживавшие в разных уездах губернии, в том числе и в ближних пригородах С.-Петербурга, втягивались в торгово-промысловую деятельность медленнее русских крестьян. Автор описания С.-Петербургской губ. И. И. Пушкарев отмечал, что финны «претерпевают бедность в домашнем быту, не умеют пользоваться выгодами по близкому жительству к столице, которая при большей с их стороны деятельности, могла бы доставить множество средств к улучшению их хозяйства»²⁹. Даже в последней четверти XIX в. статистики указывали, что «степень развития земледелия [в Шлиссельбургском у. — А. Ч.] обуславливается этнографическим составом населения: чем больше финнов в данной местности, тем больше и пашни, так как в финских селениях запашки значительнее, чем в русских»³⁰. Главной причиной было незнание финнами русского языка и, соответственно, их низкая конкурентоспособность при торговле в С.-Петербурге. Примером связи языка и занятий может служить рассказ о распространении извозного легкого промысла в одной из финских деревень, известный из материалов земской переписи 1881–1882 гг. Один из крестьян в течение 2–3 лет трудился на мызе, что позволило ему овладеть русским языком. После этого он занялся извозом в С.-Петербурге и заработал за первую же зиму 70 руб. чистого дохода. Тогда и его односельчане взялись за изучение русского языка, и многие из них стали извозчиками³¹. Эту историю можно рассматривать как вполне типичную для того времени.

Таким образом, торговля оказывала существенное влияние на крестьянское хозяйство. На протяжении XVIII–XIX вв. по мере развития путей сообщения в торговле участвовало все большее число крестьянских хозяйств губернии. С.-Петербургский рынок мог поглотить практически любое количество товаров, произведенных крестьянами губернии. Поэтому местная торговля в форме ярмарок оказывалась второстепенной и не играла существенной роли в доходах крестьян. С торговлей были тесно связаны и различные виды промыслов, продукция которых также поставлялась в С.-Петербург либо непосредственно крестьянами, либо оптовыми торговцами.

Примечания

¹ Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справ. Л., 1990. С. 9–10.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. Т. 3, ч. 1: Санктпетербургская губ. / Сост. гв. Ген. штаба полк. Жуковский. С. 205, 232.

³ Павлова Л. Г. Хозяйственное и правовое положение крестьян дворцовой волости Северо-Запада России (по материалам Выскатской волости) // История крестьянства Северо-Запада России в XVII–XIX веках: Межвуз. сб. Л., 1983. С. 133.

⁴ Каценко С. Г. Реформы 19 февраля 1861 года в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 33.

⁵ Ленинградская область: Ист. очерк. Л., 1986. С. 55.

⁶ Туманский Ф. О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии (ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание), № 558. Л. 236, 254 об., 276 об., 281).

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ Ленинградская область. С. 83.

⁹ Денисов В. И. Ярмарки. СПб., 1911. С. 124.

¹⁰ Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. СПб., 2004. С. 56.

¹¹ Земледельческая газета. 1900. № 26 (24 июня). С. 581.

¹² Гатчинская неделя. 1913. № 15.

¹³ МСНХ. СПб., 1882. Вып. 1: Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. С. 90, 106.

¹⁴ Реутович Д. Молочное крестьянское хозяйство под Петербургом // Труды Императорского Вольного Экономического общества. Т. 1. СПб., 1854. Отд. 2. № 1. С. 59; № 2. С. 144.

¹⁵ Мыза К... на 1 января 1843 г. Сельскохозяйственный отчет (РГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 326. Л. 82–82 об.).

¹⁶ Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб., 1998. С. 351–361.

¹⁷ Наумов А. О молочном промысле // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. № 26. С. 8.

¹⁸ РГИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 24. Л. 5; Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества: Настольн. и дорож. кн. для рус. людей. СПб., 1900. Т. 3: Озер. обл. С. 149.

¹⁹ Архивные материалы этнографических экспедиций кафедры этнографии и антропологии СПбГУ; 1998. Чистяков; дневник полевых записей 1. Л. 21 об.; Красовская; дневник полевых записей 1. Л. 50 об.

²⁰ МСНХ. Вып. 1. С. 167; Россия: Полн. геогр. описание... Т. 3. С. 170.

²¹ Туманский Ф. О. Опыт повествования... Л. 292 об.

²² Там же. Л. 292.

²³ МСНХ. СПб., 1887. Вып. 5, ч. 2: Крестьянское хозяйство в Петербургском уезде. С. 287.

²⁴ Там же. С. 303–304.

²⁵ МСНХ. СПб., 1887. Вып. 7: Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. С. 242.

²⁶ МСНХ. Вып. 5, ч. 2. С. 258; Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. С. 52.

²⁷ Положение о правлении С.-Петербургского Воспитательного дома, штаты сего учреждения и инструкции должностным лицам, служащим в заведении. СПб., 1870. С. 74.

²⁸ Россия: Полное географическое описание... Т. 3. С. 172.

²⁹ Пушкирев И. И. Описание Санктпетербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. С. 24.

³⁰ МСНХ. СПб., 1885. Вып. 2: Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. С. 94.

³¹ МСНХ. Вып. 1. С. 159.

М. К. Акользина

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ КУПЕЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии)

В настоящее время одним из перспективных направлений в отечественной историографии является история купечества провинциальных городов. Это объясняется, в частности, тем, что в первой половине XIX в. в российских городах шло формирование новых слоев населения, прежде всего — предпринимательских. Изучение механизма этого процесса имеет несомненную актуальность и привлекает постоянное внимание современных ученых-историков¹.

Задача данной статьи — рассмотреть изменение численности, особенности социальной и территориальной мобильности и занятия купечества провинциального города в первой половине XIX в. на примере Моршанска.

Моршанск в рассматриваемый период относился к числу наиболее развитых в экономическом отношении городов Тамбовской губ.. В первой половине XIX в. в нем постепенно возрастала численность купцов, мещан, цеховых ремесленников, а также увеличивался удельный вес этих сословий — с 25 % в 1805 г. до 94 % в 1863 г. Процент лиц городских сословий в Моршанске был выше, чем в российских городах в целом (даже после включения в 1864 г. в состав города прилегающих слобод). В 1868 г. доля купцов и мещан в населении Моршанска составляла 65 %, тогда как в 1870 г. их доля в составе всех горожан страны равнялась 47 %.

Численность моршанского купечества на протяжении изучаемого периода изменилась незначительно. Исключение составляют первые два десятилетия XIX в. Судя по данным административной статистики в первой четверти столетия, доля купечества по сравнению с 1805 г. утроилась. С начала второй четверти XIX в. до середины 1850-х гг. наблюдался равномерный рост. Во второй половине 1850-х гг. численность купечества в Моршанске снизилась из-за упадка рынка хлебной торговли и уменьшения доходности местного «бизнеса». В результате к 1861 г. доля купечества в населении города оказалась на 7 % ниже уровня 1805 г. В 1860-е гг. купцы перешли на другие виды деятельности и их численность оставалась постоянной. Сумма объявленного капитала постоянно увеличивалась.

Повышение государственного налогообложения, которое проводилось с 1807 по 1821 г., и особенно касалось купцов 3-й гильдии, вызвало постепенное разорение части купцов и переход их в состав мещанства.

Перемены в численности купечества приводили к качественному изменению состава данного сословия, трансформации социального содержания понятия «купечество». На протяжении первой половины XIX в. происходило уменьшение притока в купечество лиц из других сословий, шла консолидация купечества.

Главным источником пополнения моршанского купечества в 1820–1830-е гг. были выходцы из местного мещанства (39 %) и крестьянства (22 %). Случаи раздела семей купцов встречались нечасто (6 %). Отмечались случаи самовольного включения крестьян в число купцов. В середине XIX в. основным источником пополнения моршанского купечества стало крестьянство (29 %), на второе место опустилось мещанство (28 %). Новым было то, что число купцов увеличивалось за счет раздела семей, выделения купеческих детей, братьев, племянников и внуков в самостоятельные домохозяйства (22 %) и соответственного изменения их сословного статуса. Переходили купцы или в мещанство (в большинстве случаев), или повышали свой социальный статус, становясь почетными гражданами.

Важным фактором пополнения моршанского купечества были миграции. Так, из 109 причисленных к купечеству Моршанска в 1835 г. иногородние купцы составляли 23 % семей, мещане —